

²⁸ Б е л о г л а з о в М.М. Вырождение населения Тамбовской губернии // Вестник общественной гигиены. 1905. Октябрь. С. 1511-1526; Д е д ю л и н С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа: Доклад высочайше утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговле 25 марта 1899 г. СПб., 1900. С. 48; К е н и г с б е р г М.М. О пагубном влиянии колоссальной смертности детей и высокой рождаемости в России на производительные и экономические силы страны и на качественный состав армии. Оренбург, 1910. С. 46; Обухов В.М. Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии (по земским статистическим данным) // Журнал Русского общества охранения народного здоровья. 1895. № I. С. 880-903.

²⁹ Жбанков Д.Н. Физическое развитие призываемых к отбыванию воинской повинности // Медицинская беседа. Воронеж, 1904. № 7-8. С. 199.

³⁰ См.: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 180- 202; Рашин А.Г. Указ. соч. С. 186; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 61.

³¹ По расчету В.В. Бунака, средний рост русских новобранцев в 1874 по 1925 г. увеличился всего на 1 см (Бунак В.В. Об изменении роста мужского населения СССР за 50 лет // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 30). Дело в том, что автор не смог оценить реальную тенденцию, потому что за начальную точку расчетов принял ненормально высокий средний рост новобранцев в 1874 г., когда новая система комплектования армии только утверждалась.

³² О производстве и потреблении водки до 1863 г. точных сведений нет из-за отсутствия надлежащего учета, а существующие данные сильно занижены. Считается, что с введением в 1863 г. акцизной системы вместо откупной учет стал более или менее удовлетворительным и одновременно началось уменьшение производства и продажи водки, продолжавшееся до начала XX в. Поэтому данные о продаже водки в 1863 г. - 1,23 ведра (15,129 л) на душу населения - можно отнести к потреблению крестьян в 1850-е гг. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI. СПб., 1900. С. 242-252; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902. С. 97-110. Горожане же потребляли около 25 л водки в год. Потребление других алкогольных напитков в России было ничтожно. Например, в 1865 г. было произведено около 689 млн л водки и всего 135 млн л пива, 2,7 млн л меда; в среднем за 1861-1865 гг. экспортировано 10 млн л виноградного вина, 318 тыс л пива и 19 тыс л прочих крепких напитков. См.: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли. Т. I. С. 110-118. В 1913 г. в России было произведено 123,8 млн ведер водки - 8,8 л на душу населения: Статистический ежегодник России. 1915 год. Пг., 1916. Отд. IX. С. 17.

³³ Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 141-143.

©2002г. О.В.КОНОВАЛОВА*

В.М. ЧЕРНОВ И АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В конце XIX - начале XX в. Россия переживала острый аграрный кризис. С одной стороны, он был обусловлен негативным влиянием мирового аграрного кризиса 1880-1890-х гг., в результате которого цены на хлеб в России катастрофически падали, что приводило к существенному понижению нормы прибыли в сельском хозяйстве и удручающим образом сказывалось на развитии этой отрасли народного хозяйства. Предельного падения хлебные цены, по данным А.М. Анфимова, достигли в 1895 г., затем началось очень медленное их повышение, но лишь с 1905 г. рост цен принял устойчивый характер. С другой стороны в российской деревне год от года обострялись противоречия, порожденные сохранением пережитков крепостничества и интенсивным развитием капитализма, которые сплетались в своеобразный "гордиев узел" и были чреваты мощным социальным взрывом. Концентрация земельной собственности в руках помещиков не приводила к созданию крупных, использующих передовые технологии и

* **Коновалова Ольга Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент Сибирского юридического института МВД РФ.

Работа выполнена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки, грант 9 F0018.

технику хозяйств, а, наоборот, способствовала консервации в деревне кабальных отношений. Так, по данным земских статистов, 75% всех хозяйственных работ в помещичьих экономиях производилось крестьянскими скотом и инвентарем.

В то же время крестьянство страдало от малоземелья. 12,3 млн. крестьянских дворов владели 136,9 млн. дес. земли. При этом 6,2 млн. дворов имели лишь по 4,9 дес. наделной земли, тогда как для того, чтобы сводить концы с концами, им нужно было в условиях того времени не менее 15 дес. на двор. Малоземелье вынуждало крестьян арендовать землю у помещиков, перманентно повышавших арендную плату. Тем самым значительные средства в виде земельной ренты изымались из сельскохозяйственного производства и расходовались непроизводительно, что вело к дальнейшему обнищанию российской деревни. Кроме того, существенную роль в обострении аграрного вопроса в России играла и политика правительства. Из деревни посредством выкупных платежей выкачивались значительные финансовые ресурсы, что приводило к еще большему сужению внутреннего рынка. Российское крестьянство в начале XX в. оставалось политически и социально бесправным. Введение института земских начальников, сокращение представительства крестьян в земстве и ограничение крестьянских переселений усугубляли и без того тяжелую ситуацию, сложившуюся к началу XX в. в деревне.

По мере возможности функцию социальной защиты крестьян брала на себя сельская община. К началу XX в. 83,2% крестьянских наделных земель в Европейской России состояло в общинном пользовании. Однако с развитием капитализма роль общины в уравнительном распределении земли между крестьянами падала. Сплачивая крестьян перед лицом власти и помещика, община в то же время тормозила развитие хозяйственной инициативы более зажиточной части деревни. В итоге возникало явное противоречие: крестьяне держались за общину, помогавшую им устоять в сложных условиях рыночной экономики и малоземелья, и вместе с тем не могли не видеть ее тормозящего влияния на развитие их собственных хозяйств.

Что касается власти, то вплоть до начала Первой русской революции ей так и не удалось найти сколько-нибудь радикального решения аграрного вопроса. Правительство демонстрировало полную неспособность выработать эффективную программу выхода из кризиса, бросаясь из одной крайности в другую, то укрепляя общину, то провозглашая курс на ее разрушение. Это еще больше накаляло обстановку в деревне, провоцируя массовые крестьянские выступления. В таких условиях особое значение приобретали программы решения аграрного вопроса, предложенные либеральной общественностью и революционными партиями. Первой и самой радикальной из них была программа партии социалистов-революционеров, ведущую роль в создании которой сыграл ее лидер и главный теоретик Виктор Михайлович Чернов (1873-1952).

Начало его работы над аграрной программой партии можно отнести к 1898 г., когда за участие в "Партии народного права" Чернов находился в ссылке в Тамбовской губ. и разработал устав "Братства для защиты народных прав". В нем впервые выдвигались требования ликвидации частной собственности на землю и перехода ее в руки всего трудящегося крестьянства. В этот период им был написан также ряд статей по аграрному вопросу для таких изданий, как "Саратовский дневник", "Тамбовские губернские ведомости", "Орловский вестник". Следующий этап в разработке аграрной программы будущих эсеров был связан с созданием в 1900 г. по инициативе Чернова Аграрно-социалистической лиги. Большое значение имели теоретические статьи Чернова по аграрному вопросу, опубликованные в 1900 г. в журнале "Русское богатство", а также его программные работы "Аграрно-социалистическая лига. Очередной вопрос", "Характер современного крестьянского движения", "Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве" и др.

Публикация этих работ и активная организаторская деятельность Чернова за границей, куда он выехал в 1899 г., выдвинули его в ряды лидеров зарождавшейся эсеро-партии. С 1902 г. он становится членом заграничного ЦК ПСР и вместе с М.Р. Гоцем редактирует партийную газету "Революционная Россия". На ее страницах в 1902-

1905 г. увидели свет статьи Чернова по программно-тактической тематике, ставшие затем основой сборника "Социалистические этюды" (1908). В это же время он разрабатывает и защищает свой проект аграрной программы ПСР, утвержденный после бурных прений на I съезде партии в январе 1906 г.

Для изучения аграрной тематики представляет интерес и серия брошюр Чернова, опубликованных в короткий период политических свобод 1905-1906 гг. и вошедших в сборники "Марксизм и аграрный вопрос", "Пролетариат и трудовое крестьянство" (1906). Наряду с Черновым активную роль в разработке аграрной программы эсеровской партии играли также П.А. Вихляев, К.Р. Качаровский, Н.И. Ракитников³. Их взгляды на аграрную программу ПСР, отношение к общине и кооперации были близки к воззрениям Чернова, хотя и не совпадали по ряду моментов.

В 1917 г. революционная волна вынесла Чернова к вершинам власти. Он вошел в состав Временного правительства, возглавил Министерство земледелия и получил, таким образом, возможность реализовать аграрную программу эсеров. Однако все попытки Чернова в этом направлении кончились провалом. В 1920 г. он эмигрировал из России. Чернов работал в пражском Институте изучения России и издал в 1925 г. большую теоретическую работу "Конструктивный социализм". Им была подготовлена к печати объемная статья "Социальная структура пореформенной России", а также брошюра "Итоги марксизма", так и не увидевшая света по не зависевшим от автора обстоятельствам⁴. Последние 12 лет своей жизни Чернов работал в США над программно-теоретическими вопросами социалистического движения.

В отечественной историографии аграрная программа эсеров не получила однозначной оценки. Такие крупные представители либеральной мысли начала XX в., как П.Б. Струве и М.Я. Герценштейн, считали социально-политическую доктрину эсеров "чудовищным симбиозом" славянофильских и социалистических идей, а аграрную программу партии, разработанную Черновым, - книжной выдумкой доктринального социализма, способной лишь усугубить экономический кризис в стране⁵. В то же время либералы А.А. Кауфман, М.И. Туган-Барановский и Б.А. Кистяковский видели в аграрной программе эсеров ряд достоинств⁶. Последний, например, высоко оценил попытки Чернова подойти к проблемам социализма и, в частности, к проблеме социализации земли с правовой точки зрения и ликвидировать тем самым досадный пробел в социалистической литературе⁷. Историки эсеровского направления, естественно, идеализировали программу своей партии⁸. Так, Р.В. Иванов (Иванов-Разумник) одним из первых попытался определить место Чернова в развитии отечественной общественной мысли и признал его существенный вклад в постановку и разработку вопроса об особенностях капитализма в России и программы социализации земли⁹.

В работах основоположников марксизма не сложилось четкого отношения к идее ному наследию народничества. На протяжении второй половины XIX в. взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса претерпели существенные изменения: от игнорирования специфики развития земледельческих стран и скептического отношения к общинным теориям они пришли к признанию своеобразия российской истории и особой роли в ней общины, которая при условии раскрепощения заложенных в ней демократических и коллективистских традиций может стать точкой опоры "социального возрождения России"¹⁰. Такая позиция была четко выражена в последних работах К. Маркса, в частности в набросках письма к В.И. Засулич. Не разделяя субъективно-социологического метода народников, К. Маркс и Ф. Энгельс с вниманием отнеслись к возможности использовать общину как рычаг для революционного преобразования социальных отношений.

В.И. Ленин просмотрел то ценное зерно в постановке проблемы особенностей капитализма в отсталых странах, которое увидели у народников К. Маркс и Ф. Энгельс. Он абсолютизировал универсальность марксовской модели, построенной на данных о развитии западноевропейского капитализма. При этом в полемике с народническими экономистами Н.Ф. Даниэльсоном, В.П. Воронцовым, В.М. Черновым Ленин несколько зависил уровень развития капитализма в России. Он отвергал все, что расходилось

с марксистскими представлениями о неизбежности пролетарской революции в России, и в этом смысле эсеровская концепция, обосновывавшая особый путь развития нашей страны, была для него неприемлема, как и постановка Черновым вопроса о различных типах капиталистической эволюции. Рассуждения на эту тему Ленин квалифицировал не иначе, как "образец мещанской апологетики"¹¹, и категорически утверждал, что и промышленности, и сельскому хозяйству свойственны одинаковые социально-экономические тенденции к капитализации и пролетаризации. Поэтому вытеснение мелкого крестьянского хозяйства крупным, по мнению Ленина, было только вопросом времени, а нежелание крестьянина расставаться с хозяйственной самостоятельностью он считал глубоко реакционным. Отсюда вытекало и его отношение к эсеровской программе социализации земли как антинаучной мелкобуржуазной утопии. Сходных позиций придерживались и другие русские марксисты. Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, например, видели в аграрной программе эсеров только "опасное обывательское заблуждение", а саму эту партию считали исключительно интеллигентской и "несоциалистической"¹².

Однако ленинская оценка эсеровской доктрины постоянно эволюционировала под влиянием идейно-политической борьбы. После Октябрьской революции лидер большевиков вынужден был признать, что эсеровская аграрная программа, несмотря на содержащиеся в ней элементы мелкобуржуазного утопизма, отражала революционно-демократические, антикапиталистические устремления крестьянства¹³. Как известно, идеи эсеровской аграрной программы впоследствии воплотились в большевистском Декрете о земле. Обосновывая причины заимствования основных принципов программы социализации земли, Ленин на III съезде Советов заявлял, что "есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира"¹⁴.

Ленинская концепция идейно-политической и классовой сущности эсеров во многом определила методологические подходы к изучению проблемы в советской историографии. В работах советских историков об эсерах превалировал разоблачительный тон, причем им давались жесткие политические оценки как "предателям народных интересов" и контрреволюционерам. Дорога к краху эсеров в их изображении была фатально предопределена мелкобуржуазной сущностью этой партии¹⁵.

На общем фоне ортодоксально-марксистской историографии заметно выделялись работы В.Г. Хороса, в которых можно наблюдать попытку отойти от распространенных историко-партийных шаблонов в изучении идеологии эсеров. В своей ранней монографии "Неонародническая идеология и марксизм" (1972) он пришел к выводу, что эти течения представляли два фланга революционно-демократического лагеря и не противостояли друг другу. Затем в книге "Идейные течения народнического типа в развивающихся странах" (1980) В.Г. Хорос проанализировал всемирный феномен популизма, к которому он отнес и русское народничество. По его мнению, популистские течения возникли в результате столкновения традиционных общественных структур с современной индустриальной цивилизацией и отразили поиски национальной интеллигенцией оптимальных путей преобразования своих стран. Хорос подчеркивал, что народническая идеология ставила ряд кардинальных социально-экономических вопросов, связанных с необходимостью смягчения для населения отсталых стран последствий первоначального накопления, использованием в процессе кооперирования крестьянства общинных структур и преимуществами некапиталистической "государственной" индустриализации, позволяющей постепенно подключить к модернизационному процессу традиционные сектора экономики¹⁶. Научная значимость выдвинутых Черновым положений о примате разрушительных сторон капитализма в странах, с опозданием вступивших на путь буржуазного развития, и о преимуществе некапиталистической модернизации аграрных¹⁷ стран, как подчеркивает Хорос, подтверждается мировым историческим опытом¹⁷.

Несомненный научный интерес представляют монографии В.Н. Гинева "Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г." (1977) и "Борьба за крестьянство

и кризис русского неонародничества 1902-1914 гг." (1983). Выступая против упрощения теоретических воззрений идеологов неонародничества, он справедливо указал на то, что социализация земли в представлении эсеров не означала утверждения в российской деревне социализма, а рассматривалась лишь как его предпосылка. Гинев неоднократно подчеркивал, что эсеры в определенной мере избавились от идеализации сельской общины, свойственной старому русскому народничеству. Однако и он не избежал некоторого упрощения в трактовке теоретических воззрений эсеров. Эсеровскую модель социализма он определял как разновидность "мелкобуржуазного кооперативного социализма", игнорируя ее многомерность.

Как видим, советские историки внесли значительный вклад в изучение аграрной программы эсеров. Однако определенное идеологическое давление сверху существенно ограничивало возможности объективного научного анализа программы социализации земли и роли В.М. Чернова как идеолога и теоретика ПСР. В 1990-е гг. в отечественной историографии явно обозначились 2 тенденции в изучении партии эсеров. С одной стороны, часть историков продолжала развивать традиционный для марксистской методологии тезис о мелкобуржуазном характере эсеровской идеологии, историческая прогрессивность которой была исчерпана на этапе буржуазно-демократической революции. С другой - наблюдались попытки выйти за рамки ортодоксального марксизма, расширить проблематику исследования, пересмотреть прежние оценки эсерства, уделяя все больше внимания изучению программно-теоретических основ эсеровской доктрины.

Первой работой о В.М. Чернове как лидере эсеров стал очерк Д.А. Колесниченко, опубликованный в книге "Россия на рубеже веков. Исторические портреты" (1991). В нем была дана высокая оценка программе "социализации земли" и роли Чернова в качестве теоретика и лидера ПСР, эсеровской идеологии по-прежнему выводилась из мелкобуржуазной классовой природы крестьянства.

Плодотворной, на мой взгляд, представляется попытка обосновать новые методологические подходы к изучению истории партии эсеров, предпринятая М.И. Леоновым в цикле его работ начала 1990-х гг.¹⁸ Леонов считает Чернова "центральной фигурой генерального штаба эсеров", автором программы и главным конструктором тактических установок партии. В своей монографии "Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг." (1997) Леонов рассмотрел неонародничество и марксизм как отражение двух культур - традиционной крестьянской и индустриальной. Развитие капитализма в России привело к существенной корректировке народнических представлений о социализме в сторону сближения с "технологическими концепциями", в первую очередь с марксизмом. Исходя из возможности совершенствования крестьянской цивилизации при одновременном индустриальном развитии, эсеровские теоретики пытались обосновать аграрно-индустриальный путь развития России, тогда как марксисты выступали за чисто индустриальный путь.

Н.Д. Ерофеев высказал мысль о том, что эсеровская модель социализма, являясь альтернативой большевистской, была более демократичной¹⁹. Однако победила авторитарная модель большевиков, так как она более адекватно отражала потребности России в ускоренной индустриализации, тогда как эсеровская идеология "являлась аграрной утопией, недостаточно пригодной для решения проблемы модернизации"²⁰. Вместе с тем Ерофеев подчеркнул, что в начале XX в. и в РСДРП, и в ПСР наметились эволюционные тенденции: "В то время как большевизм развивался от марксизма в сторону революционного народничества, эсерство эволюционировало от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму"²¹. Такая позиция автора, на мой взгляд, не лишена противоречий. Если большевизм все более эволюционировал в сторону народничества, открыто заимствовал идеологические установки своих политических оппонентов и одновременно был более приемлемым вариантом модернизации России, значит, и установки народнической программы отвечали реальным условиям развития России. Но именно это Ерофеев отрицает.

Заметным событием в современной историографии аграрного вопроса в России стала изданная в 1994 г. книга П.И. Савельева "Пути аграрного капитализма в России. XIX в. (по материалам Поволжья)". В поисках выхода из методологического кризиса автор обратился к идее типологизации аграрно-капиталистической эволюции, изложенной в трудах Чернова. Его основную заслугу он видит в методологическом обосновании устойчивости крестьянского хозяйства и его способности к прогрессивной эволюции. Савельев утверждает, что типологический метод Чернова представляет теоретический прорыв в решении аграрного вопроса, блестяще подтвержденный мировым опытом развития сельского хозяйства²².

К числу исследований, заслуживающих внимания, несомненно, следует отнести работы Б.К. Ярцева²³. Черновская концепция социализма, по его мнению, была утопична, поскольку исключала из социалистической модели товарные отношения и централизованное государство. Однако заслуги Чернова, считает Ярцев, были весомее его ошибок. "Принципиальный подход Чернова к земледелию как альфе и омеге экономической политики" являлся, по его мнению, самым ценным и конструктивным в наследии эсеровского лидера²⁴. Вместе с тем нельзя не отметить, что, сделав попытку проследить эволюцию воззрений Чернова на основе его публикаций 1920-1930-х гг., Ярцев упустил из виду большой пласт работ Чернова дореволюционного, революционного периодов и времен Гражданской войны, где он фактически пришел к признанию важности товарно-денежных отношений в обществе и существенной роли государства в процессе модернизации.

Определенный интерес представляет и исследование К.Н. Морозова "Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг." (1998), где автор предлагает рассматривать эсеровскую модель демократического социализма, сконструированную Черновым, как вариант безболезненной модернизации страны, соединяющей конструктивные стороны традиционной и технологической цивилизаций. Морозов признает, что найденное эсерами решение аграрного вопроса носило "для своего времени новаторский характер, позволяющий добиться (при определенных условиях) серьезного прорыва в решении задач политического, экономического и социокультурного преобразования России"²⁵.

В 1999 г. увидела свет книга К.В. Гусева "В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (победы и поражения Виктора Чернова)", в которой он предпринял попытку пересмотреть свои прежние оценки идейного наследия главного теоретика эсеров и автора их аграрной программы. Гусев признает, что создание программы социализации земли было крупным достижением Чернова, поскольку "именно она была принята близко к сердцу крестьянством, отвечала его представлениям о справедливости"²⁶. Наряду с этим автор монографии подчеркивает, что некоторые положения программы Чернова носили явно утопический характер. К ним он относит, в частности, принцип уравнительности в распределении земли и стремление эсеров воспрепятствовать развитию в сельском хозяйстве буржуазных отношений. При этом Гусев явно упрощает взгляды Чернова. Принцип уравнительности он рассматривает исключительно как механический передел земли в соответствии с потребительской и трудовой нормами. Тем самым игнорируются предлагавшиеся эсерами экономико-правовые механизмы осуществления программы социализации земли. Подчеркивая гуманистический, крестьянский характер аграрной программы эсеров, К.В. Гусев, на мой взгляд, все же недооценивает ее экономический и политико-правовой потенциал.

Таким образом, в 1990-е гг. в отечественной историографии определились новые подходы к изучению истории партии эсеров и роли в ней В.М. Чернова. Вместе с тем требуется внести уточнения в трактовку ряда положений программы социализации земли и исследовать ее экономико-правовые и политические аспекты с новых методологических позиций, что я и попытаюсь сделать в настоящей статье.

Доктрина эсеров оформляется как альтернативная либерально-буржуазному реформаторству программа демократических преобразований и отражает попытку радикальной демократической интеллигенции найти такой вариант модернизации страны,

который бы отвечал особенностям ее культурно-исторического развития. Исходя из специфики социально-экономических условий России и правового сознания основной массы населения - крестьянства, В.М. Чернов сформулировал и теоретически обосновал программу социализации земли, которая явилась впоследствии краеугольным камнем эсеровской модели смешанной экономики.

Теоретической основой программных построений Чернова является его концепция типов аграрной эволюции, согласно которой общая направленность и формы развития капитализма в сельском хозяйстве каждой страны определяются спецификой национальной экономики. В России, считал Чернов, "в земледелии капитализм развивает преимущественно свои отрицательные, разрушительные стороны в ущерб творческим, положительным. Он развивался не столько как высший способ производства, сколько как высший... способ эксплуатации."²⁷ Приводил эволюцию аграрного строя в тупой, безвыходный переулоч"²⁷. Перспективы развития сельского хозяйства страны лидер эсеров связывал с развитием крестьянского хозяйства. По мнению Чернова, крестьянское хозяйство более конкурентоспособно и устойчиво по сравнению с крупным капиталистическим, что объясняется его потребительским характером, способностью крестьянина довольствоваться при продаже своей продукцией лишь возмещением затрат на воспроизводство рабочей силы, а не стремлением к получению прибыли и тем, что в крестьянском хозяйстве постоянно имеется дополнительный ресурс рабочей силы в лице членов семьи"²⁸.

В отличие от марксистов, Чернов не считал крестьянское хозяйство мелкобуржуазным. "Вся сущность функционирования крестьянского хозяйства - это постоянное превращение средств существования в рабочую силу и обратно - рабочей силы в средства существования"²⁹, - писал он. Источником дохода крестьянина является не рента и не прибыль, а своеобразная заработная плата за свой труд, которая обеспечивает лишь прожиточный минимум. Отличным от марксистов было и представление Чернова о перспективе, ожидающей крестьянство в условиях капитализма. Если первые утверждали, то в результате пролетаризации оно исчезнет как класс, то Чернов был убежден, что это возможно лишь в странах с гипертрофированной индустрией и атрофированным сельским хозяйством. Изучение динамики социальных процессов в крестьянской среде привело его к мысли, что "никакого закона двусторонней дифференциации - капитализации наверху, пролетаризации снизу, таяния средних, промежуточных элементов - в эволюции деревни не осуществляется. Есть закон консолидации семейно-трудового хозяйства как социального типа, закон, сплачивающий трудовое крестьянство в целостное классовое образование"³⁰. Хотя Чернов и не отрицал наличия тенденции к расслоению крестьянства, однако он считал, что абсолютизировать ее не следует"³¹.

Признание крестьянского хозяйства неотъемлемым элементом современной экономики было краеугольным камнем теоретических и программных построений Чернова. Для него оно являлось органической составной частью народного хозяйства, обладающей способностью развиваться и достигать высших форм, приобщаясь с помощью кооперации к техническому прогрессу. Идеи Чернова об устойчивости и перспективах эволюции крестьянского хозяйства нашли теоретическое подтверждение и развитие в работах представителей организационно-производственной школы экономической мысли России в начале XX в. и соответствовали основным тенденциям аграрной эволюции Европы и России"³². Но в отличие от теоретиков организационно-производственного направления, делавших ставку на крестьянский индивидуализм и утверждение частной собственности, лидер эсеров связывал перспективы развития сельского хозяйства России с уничтожением частной собственности на землю и развитием коллективистских начал.

В развитии программных установок эсеров по аграрному вопросу отчетливо проступает тенденция к смещению акцентов с общих социально-экономических вопросов на правовые. До революции 1905-1907 гг. Чернов считал разработку правовых аспектов "преждевременным пустым прожектерством", поскольку в условиях самодержавия отсутствовали реальные механизмы, позволявшие его партии влиять на законо-

творческие процессы. Об этом он писал, в частности, в программной статье "Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве", опубликованной в 1902 г. Однако Первая русская революция остро поставила перед Черновым вопрос о необходимости перехода от общих идейно-политических лозунгов к проработке конкретно-практических требований партии. Определенный опыт он получил, будучи экспертом в разработках трудовиков во II Государственной Думе. Вместе с П.А. Вихляевым, Н.Н. Сухановым, Н.И. Ракитниковым и М.Н. Шатерниковым Чернов входил в комиссию по разработке аграрного законопроекта, получившего название "проекта 104-х"³³.

Следующий этап в развитии юридических аспектов аграрной программы ПСР связан с деятельностью Чернова во Временном правительстве. В этот период под его руководством разрабатываются основные земельные законопроекты. Работа направлена на конкретизацию основных требований эсеровской программы, определяется механизм ее реализации, уточняется роль государства и органов местного самоуправления в проведении реформы. Исходной теоретической посылкой при разработке правовой базы предстоящей аграрной реформы для Чернова стала концепция естественного права, восходящая к просветительской традиции XVIII-XIX вв., которая спустя столетие переживала своеобразный ренессанс. В российской правовой мысли этого периода концепция естественного права получила свою новую жизнь в трудах видных либеральных правоведов Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева, Ю.С. Гамбарова.

Однако на этом этапе первоначальная трактовка философского смысла естественных прав личности подверглась существенной корректировке. Сам Чернов, анализируя эти изменения, отмечал, что старая школа представляла личность как нечто самодовлеющее, независимое от общества, а общество выступало как сила, ограничивающая свободу личности. В трудах новых приверженцев концепции естественного права представление о правах личности строилось уже на признании органической взаимозависимости личности и общества. Утверждается мнение, что личность "черпает свои права не из самой себя, а из общества", причем само понятие "права личности" выводится из определенного состояния и уровня развития общества.

Второе отличие старой школы от новой Чернов видел в том, что представители первой рассматривали личность и присущий ей комплекс прав и свобод в статике, как неизменные величины. Преимуществом же новой трактовки, по мнению Чернова, состояли в том, что ее сторонники как бы вводили объективирующие критерии времени и места, утверждая, что понимание прав личности является результатом общественного развития. Подтверждая свою мысль о постоянной эволюции понятия естественных прав, Чернов привел следующий пример. Победа буржуазного принципа индивидуализма способствовала утверждению такого понимания естественных прав личности, которое ограничивалось главным образом общегражданскими аспектами. Но в начале XX в. утверждается уже иное представление о правах личности, в котором общегражданские права дополняются социальными³⁴.

Чернов правильно усвоил ведущие тенденции в развитии либерально-правовой доктрины - движение от формального признания за личностью гражданских прав к идее необходимости обеспечения их реальными социальными гарантиями. Это то новое, что отличало "новый" либерализм конца XIX - начала XX в. от классического либерализма XVIII-XIX вв. и было глубоко созвучно российской демократической традиции, включая А.И. Герцена, Н.К. Михайловского и их последователей. Таким образом, можно говорить об определенном сближении либерального и радикально-демократического направлений в осмыслении таких мировоззренческих вопросов, как права личности. Вместе с тем в понимании содержательной стороны прав личности между либералами и Черновым были и некоторые принципиальные различия. В естественные права личности либералы включали право собственности как неотъемлемое вечное право человека. Лидер же эсеров полагал, что "собственность есть такое же временное и преходящее явление, как и все прочие земные явления"³⁵. Право частной собственности, по мнению Чернова, включало в себя права владения, распоряжения и пользования. В качестве правообразующего принципа оно получило распространение в Европе

в начале Нового времени. Процесс институционализации частной собственности был связан с развитием капиталистических отношений.

В истории собственности Чернов усматривал постоянную борьбу двух противоположных начал: индивидуалистического и коллективистского. В период утверждения капитализма победу одержали индивидуалистические тенденции. Но даже в это время, считал Чернов, нельзя говорить о том, что собственность была абсолютной и ничем не ограниченной. "Правда, на практике нет и никогда не было собственности, не связанной социально; правда, напрасно стали бы мы искать в истории права и сравнительного правоведения индивидуальную собственность без всякого коллективизма, однако в этот момент социальная связанность собственности ближе всего подходила к минимуму"³⁶, - писал он. В конце XIX - начале XX в. наметилась тенденция к ограничению обществом права частной собственности, и государство с помощью системы налогов стало отчуждать в свою пользу львиную долю доходов собственника.

Надо заметить, что в начале XX в. ни в России, ни на Западе не было дано четкого определения права собственности. В этом вопросе и в русской, и в зарубежной цивилистике существовали два наиболее распространенных противоположных воззрения. По мнению ученых первого направления, право собственности - это полное и неограниченное господство лица над вещью. Такой точки зрения придерживались Ф. Савиньи, Г. Духта, К.П. Победоносцев, П.П. Цитович. Представители второго направления -Р. Иеринг, Д. Мейер, Ю.С. Гамбаров - полагали, что право собственности нельзя считать полным и исключительным, так как оно всегда ограничено законами в интересах общества в целом.

Позиция Чернова была ближе ко второму направлению правовой мысли. Он считал, что появление права частной собственности в России связано с реформой 1861 г., которая "перенесла выкуп за личность крестьянина в графу о выкупе крестьянами своей земли" у тех, кому эта земля, по мнению Чернова, никогда не принадлежала. "Земля... никогда не была в собственности дворянского сословия, она всегда числилась за крестьянами, попавшими в крепостную зависимость", - утверждал он в статье "К вопросу о выкупе"³⁷. При крепостном праве власть помещика над крестьянами "была более публично-правовым отношением господства над населенной территорией, чем частноправовым отношением собственника к земле"³⁸. Это означало, что право собственности помещика на крестьян и их землю было обусловлено тем, что он исполнял по отношению к ним определенные властные функции (суда, полиции, сбора налогов), которые ему были переданы государством. По условиям реформы 1861 г. функции управления взяло на себя государство, и, следовательно, право помещика на землю крестьян, по мнению Чернова, стало с тех пор фикцией, а выкупная операция - незаконной.

Лидер эсеров утверждал, что государство пытается навязать сверху право частной собственности не только в отношениях между помещиками и крестьянами, но и в общинной среде. Так, в гражданском законодательстве община объявляется собственником земли как юридическое лицо. Тем самым общину превращают в союз собственников, хотя это, по мнению Чернова, не отражает реального состояния дел.

Вопрос о сущности и перспективах развития российской общины наиболее остро встал перед эсерами в период осуществления столыпинской аграрной реформы. Оценка результатов политики Столыпина, разрушавшей общину, внесла разногласия в эсеровскую среду. На страницах легальной и нелегальной партийной прессы развернулась дискуссия о судьбах общины и необходимости корректировки аграрной программы партии. Историк К.Н. Морозов на основе материалов левонароднического журнала "Заветы" выделяет 5 точек зрения по этому вопросу³⁹. Я думаю, что их целесообразно объединить в 3 позиции. Первая представлена одним из центристов Н.И. Ракитниковым и сводится она к тому, что община разрушается, но в эсеровской аграрной программе она не является несущей конструкцией и поэтому пересматривать программу социализации земли нет необходимости. Вторая отражает взгляды правых эсеров, представлена одним из лидеров "Почина" И.И. Фондаминским и исходит из того, что община разрушается и необходимо отодвинуть в будущее реализацию программы социализации земли.

Третья позиция была высказана К.Р. Кочаровским (община не разрушается, аграрную программу пересматривать не следует).

В отечественной литературе распространилось мнение о том, что в обстановке идейного брожения и организационного кризиса в партии Чернов способствовал активизации дискуссии по аграрному вопросу, но сам до 1914 г. в ней не участвовал. На основе выявленных мною новых данных я позволю себе пересмотреть эту позицию. В № 3 журнала "Социалист-революционер" за 1911 г. под псевдонимом "С.Р. Крайний" Чернов опубликовал статью "Социализация земли как тактическая проблема" (впоследствии она вошла в сборник работ В.М. Чернова "Земля и право"); затем на страницах партийного издания "Знамя труда" под псевдонимом "Б.Ю." в 1911 г. в № 35, 36, 37 была напечатана серия его статей под общим названием "Разрушение общины и наша программа", а в 1912 г. в № 41 и 44 - статья "Купля-продажа наделной земли и расслоение крестьянства на классы"⁴⁰. В этих статьях Чернов доказывал, что "еще рано... произносить окончательный суд над общиной: ни достаточных данных, ни теоретических оснований для этого еще нет. И тем более рано вычеркивать ее из нашей программы..."⁴¹

Анализируя сущность поземельной общины, Чернов приходит к выводу, что в ней как бы уравниваются "право на труд", которое обеспечивается общиной путем отвода каждому своему члену на равных основаниях с другими участка земли, и "право труда" (затраченного на обработку земли), дающее правовые гарантии на владение наделом⁴². Эта "трудовая конституция" и уравнивательный принцип распределения земли между общинниками, полагал Чернов, не совместимы с правом частной собственности. Вместе с тем он не отрицал и наличия индивидуалистического начала в общине, хотя реально внутри общины коллективистские элементы, по его глубокому убеждению, до сих пор одерживали победу над индивидуалистическими.

Так куда же пойдет община дальше? Будут ли в ней развиваться публично-правовые функции, к которым Чернов относил обеспечение общиной каждому из ее членов права на труд и на землю, или же развитие пойдет в направлении усиления частнособственнического начала? Первый вариант Чернов связывал с перспективой социалистического развития, второй - буржуазного. При этом важно подчеркнуть, что он исходил из признания сложной дуалистической природы общины и не отрицал реальной возможности ее буржуазной трансформации. В признании дуализма общины - корень отличия взглядов Чернова от общинной теории классического народничества, однозначно рассматривавшей общину как социалистическую альтернативу капитализму.

Аграрная реформа могла быть осуществлена, по мнению Чернова, двумя путями: 1) наделением крестьян землей на началах частной собственности; 2) организацией уравнительного крестьянского землепользования на основе увеличения общественной поземельной собственности⁴³. Второй путь был более приемлем для него не только как для социалиста, заинтересованного в расширении общественной собственности на землю, но и потому, что он считал его более эффективным в экономическом плане.

Если реформа пойдет по первому пути, рассуждал Чернов, то при существующем малоземелье крестьяне вынуждены будут выкупать землю у помещиков. Но признать право выкупа для Чернова значило признать за помещиками их право на землю и тем самым ущемить в правах крестьянство. Даже в том случае, если государство возьмет на себя часть расходов, как предусматривалось в законопроекте кадетской партии, основная тяжесть платежей все равно ляжет на плечи налогоплательщиков, т.е. на тех же самых крестьян. Выкупная операция, заключал Чернов, фактически поглотит те доходы, которые могли бы пойти на подъем производительных сил деревни. Лишь перераспределение земли без выкупа даст крестьянам необходимые средства для модернизации своего хозяйства.

Кроме того, проведение земельной реформы в духе обобществления земли опиралось бы на народное правосознание и прежде всего на представление крестьян о том, что "земля - Божья, земля - ничья", что она принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Но, призывая опираться на правосознание крестьянства, Чернов был далек от того, что-

бы идеализировать традиционные воззрения земледельцев. Он говорил о необходимости "вышелушить... здоровое ядро крестьянских воззрений на землю и освободить их от скорлупы теологических и патриархальных воззрений"⁴⁴.

Отношение к народу как к главной правотворческой силе, способной к самостоятельному выступлению на политической арене, составляло краеугольный камень аграрной программы Чернова. В этом он считал себя продолжателем идей Герцена и Чернышевского, утверждавших, что только народ может быть правообразующей силой. Но для Чернова это не было лишь идеологическим императивом, ибо он считал, что народное правосознание органически вырастает из реальных социально-экономических условий. Нельзя насаждать новые правовые отношения сверху (как это делал Столыпин). Они должны развиваться снизу естественным эволюционным путем. Право частной собственности на землю не отвечает социально-экономическим и политико-правовым реалиям развития страны. По глубокому убеждению Чернова, для России более органичен такой путь аграрной эволюции, который опирается на народное правосознание.

В программе социализации земли Чернов выделял 2 аспекта - экономико-правовой и политико-правовой. В контексте первого социализация земли предусматривала уничтожение частной собственности на нее, т.е. прежде всего изъятие земли из товарного оборота. Такая мера, по мнению Чернова, должна была привести к уничтожению абсолютной ренты. "Даже если бы социализация земли устранила лишь этот вычет, - писал он в "Конструктивном социализме", - и то это был бы уже огромный плюс для сельскохозяйственного прогресса"⁴⁵. Те суммы, которые поглощала арендная плата, должны были пойти на улучшение производительных сил деревни.

С юридической точки зрения, отмечал Чернов, "уничтожение собственности на землю вовсе не равносильно утверждению собственности того или другого юридического лица"⁴⁶. "Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области..., ни государственным имуществом. Мы делаем ее ничьей. Именно как ничья она и становится общенародным достоянием"⁴⁷. В этом случае "верховное право распоряжения ею (землей. - *О.К.*) должно принадлежать всему народу, заведующему ею через демократические органы своего самоуправления, начиная от волостных земств и кончая центральной народной властью". "Таким образом, - продолжал он, - народ как самоуправляющаяся коллективная единица... в лице всех органов его самоуправления является... тем коллективным лицом, которому переходит та совокупность суверенных прав, которая раньше принадлежала каждому индивиду и выражалась наиболее резким и решительным правом землю продавать, покупать и закладывать, передавая любые вещные права на нее"⁴⁸.

Провозглашение права каждого человека на землю являлось основополагающим положением эсеровской программы социализации земли. Но в то же время она предполагала ликвидацию частной собственности, что ущемляло права отдельной личности. Однако в царской России право частной собственности на землю существовало как право немногих. Прежде всего им обладали эксплуататорские классы. Кроме того, при осуществлении социализации земли у личности оставалось бы право пользования землей, дающее каждому гражданину страны возможность прилагать к земле свой труд без каких-либо ограничений. Право на землю дает только труд, земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Трудовое право, по мнению Чернова, есть двойное право: право вложенного в землю труда и право на труд новых поколений⁴⁹. Зародыш этого права он находил в общине, но там оно было "засорено" частнособственническими представлениями. Программа социализации земли предусматривала возможность очистить трудовые принципы "от всяких чуждых наслоений и локальной ограниченности" и распространить их на всю территорию страны.

Большую роль в реализации аграрной программы Чернов отводил уравнительному принципу распределения земли. Уравнительности в землепользовании предполагалось достичь посредством перераспределения земли на основе трудовой и потребительской

норм. При этом трудовая норма могла бы служить для определения количества отчуждаемой земли, а потребительская - для наделения.

Особое значение Чернов придавал регулированию земельной собственности экономическими мерами. Он предполагал введение налогов на излишки земли сверх нормативного надела. По его мнению, такая мера, с одной стороны, призвана была ограничить концентрацию земли в одних руках, а с другой - стимулировала бы хозяйственную предприимчивость⁵⁰. Обложение излишков Чернов рассматривал как форму прогрессивного налогообложения "с тем отличием, что при нем оставляется льгота для дохода, проистекающего из специальных затрат на интенсификацию хозяйства, на повышение земледельческой культуры"⁵¹. Таким образом, программа социализации земли была нацелена на рост сельскохозяйственного производства не только за счет введения в оборот дополнительных земельных площадей, но и за счет интенсификации труда. Т.е. уравнительность, как подчеркивал сам Чернов, не сводилась у него "к равенству в нищете", она должна была стимулировать рост производительных сил крестьянского хозяйства.

Чернов понимал, что осуществление социализации земли - это долгосрочная политика. На первом этапе должна быть уничтожена лишь земельная рента и кабальные отношения между крестьянами и помещиками, когда равное право на землю "в действительности может означать только принципиальное признание равного права каждого гражданина жить от земли, но ни в коем случае не может быть законодательной нормой, обеспечивающей ему фактическое право на равное, одинаковое со всеми другими количество земли"⁵². Тем самым Чернов признавал его декларативный характер. Фактическая же доступность земли для всех граждан и уравнительность в ее распределении может быть, по его мнению, осуществлена только на втором этапе социализации в результате длительной борьбы за переделы как внутри общин, так и между ними. Для того, чтобы на этом этапе равное право на землю действительно осуществлялось добровольно, Чернов считал необходимым существование сильно развитого общинного правосознания, в котором практикой постоянных земельных переделов закреплялась бы готовность членов общины идти на возможные потери земли при наделении ею тех, кто в ней нуждается. Практическое осуществление социализации земли Чернов тесным образом увязывал с общинным правосознанием.

Однако Чернов не желал передавать землю на собственность общины - этой замкнутой корпорации, где сильны сословные пережитки и не развито личностное начало. Поэтому он, в отличие от анархо-синдикалистов, отстаивал необходимость передачи земли в распоряжение общества в целом, а не замкнутых корпораций или профессиональных союзов. При этом органы народного самоуправления, в которые должна была трансформироваться со временем община, являлись бы не собственниками земли, а "регуляторами личных, трудовых прав на землю"⁵³. Следовательно, социализация земли предполагала ее переход в заведование демократически организованных общин и таких же территориальных союзов этих общин или органов местного самоуправления, призванных следить за уравнительностью землепользования.

Идеи Чернова о необходимости усиления роли органов самоуправления в решении аграрного вопроса были созвучны основным положениям меньшевистской программы муниципализации земли. И там, и здесь возможность участия муниципий в регулировании земельных отношений должна была способствовать укреплению их материальной базы и являться экономическим фундаментом для политической демократизации. И там, и здесь осуществление аграрной программы предполагалось проводить в условиях буржуазной демократии. Но между аграрными программами меньшевиков и эсеров имелись и существенные отличия. У эсеров частная собственность на землю должна быть уничтожена, тогда как программа муниципализации не исключала передачи надельной земли крестьянам в частную собственность. Кроме того, передача всех прав на бывшую помещичью землю в руки исключительно муниципий, как предлагали меньшевики, могла привести к гипертрофированию их роли за счет уменьшения коор-

динирующей и арбитражной роли верховных государственных органов, например, при проведении переселенческой политики.

При социализации земли, доказывал Чернов, государственная власть в лице своих центральных и местных органов не будет устранена от представительства интересов равноправных пользователей землей⁵⁴. Государство и его органы становятся не самостоятельными юридическими лицами, чьи собственные права на землю выше индивидуальных прав, а превращаются "лишь в юридические аппараты, регуляторы, примиряющие и приводящие к гармонии единичные права"⁵⁵. За государством остается роль центра, координирующего деятельность органов самоуправления.

Вместе с тем Чернов выступал против передачи права собственности на землю государству, поскольку полагал, что в этом случае государство как юридическое лицо получит неограниченную власть над землей⁵⁶. В этом, по его мнению, кроется опасность для гражданской свободы, ибо государство вместе с правом собственности на землю получит и право присваивать себе ренту и прибыль на капитал, которые раньше уходили в карман частному собственнику. Крестьянин при этом превращается в пролетария, арендующего у государства землю. Таким образом, полагал Чернов, национализация не меняет сущности буржуазных отношений, и, кроме того, в ней заложена опасность "величайшей бюрократизации" всех общественных отношений.

Большевистская программа национализации земли была неприемлема для Чернова, поскольку ее реализация могла привести к гиперболизации функций государства и ущемлению социально-экономических и политических прав личности и органов самоуправления. Более того, подчеркивал лидер эсеров, большая зависимость сельскохозяйственного производства от естественных условий, а также специфика земледельческого труда, требующего порой индивидуального подхода к той или иной земледельческой культуре, делает невозможным возделывание полей по одному общему плану, спускаемому сверху государством и реализуемому "организованными для этого рабочими армиями". "Единые шаблоны менее всего применимы к земледелию"⁵⁷, - подчеркивал он. Еще в 1906 г. Чернов предрекал, то всякая попытка осуществления централизованного государственного управления сельским хозяйством в условиях диктатуры пролетариата в конечном счете привела бы не только к практическому банкротству этих планов, но и к дискредитации социализма в глазах живущих и будущих поколений, к крестьянской войне против нового режима.

Итак, в правовом отношении социализация земли есть по сути дела децентрализация права частной собственности, когда право пользования землей становится прерогативой каждого гражданина, а право владения и распоряжения распределяется между различными общественными союзами, начиная от общин, товариществ, органов самоуправления и заканчивая государством. Важно отметить, что регулирование землепользования должно было быть построено снизу вверх на началах децентрализации и самоуправления.

Таким образом, в политико-правовом аспекте социализация земли, с точки зрения Чернова, представлялась ни чем иным, как "решительным шагом на пути превращения демократического строя в деревне из одностороннего политического и административно-правового в демократию хозяйственную"⁵⁸. Он был глубоко убежден, что расширение принципа самоуправления на область поземельных отношений создаст механизм, обеспечивающий права каждой отдельной личности на землю как главное условие труда⁵⁹. Там самым будет закладываться определенная юридическая база для нового общественного строя - демократического социализма.

Возможные способы осуществления программы социализации земли Чернов связывал с конкретной политической ситуацией в стране⁶⁰. Так, попытка реализовать свою аграрную программу мирным путем была предпринята партией эсеров в период деятельности I и II Государственных Дум. Однако установившийся после третьеиюньского переворота политический режим заставил их отказаться от подобных реформистских надежд.

Только Февральская революция, покончившая с самодержавием и установившая демократический режим, вновь возродила у Чернова и его товарищей по партии надежду на возможность проведения в жизнь эсеровской аграрной программы через Учредительное собрание. Настроение широких крестьянских масс вселяло определенную уверенность в правомерности выбранного пути. Голоса крестьянства, отданные за эсеровскую партию на выборах в Учредительное собрание, подтверждали реальность такой перспективы.

В советской исторической литературе утверждалось, что эсеры после Февральской революции отказались от программы социализации земли, предав интересы крестьян. Но это совсем не так. В силу изменения политической ситуации в стране эсеры, естественно, переориентировались в 1917 г. на легальные формы политической борьбы, что несколько не противоречило их программным и тактическим установкам. Вместе с тем нельзя отрицать, что, несмотря на прозвучавшие с трибуны III съезда партии заявления о неизменности аграрной программы ПСР, революционные события в стране все же заставили эсеров внести в нее некоторые коррективы, направленные на усиление регулятивных функций государства в земельных отношениях. Определенную роль в этом, несомненно, сыграла практическая деятельность Чернова на посту министра земледелия.

Свое вхождение в правительство Чернов воспринял как победу трудовой демократии и, став министром, стремился приблизить момент реализации эсеровской аграрной программы. По его инициативе были приняты законы о прекращении земельных сделок и упразднении столыпинских землеустроительных комиссий. 29 июня 1917 г. им был внесен на рассмотрение правительства законопроект о передаче всех земель в ведение земельных комитетов, однако он (как и законопроект, определявший их полномочия) не был принят. Предложения Чернова по аграрному вопросу встречали ожесточенную оппозицию в правительстве. Противодействие аграрной политике эсеров со стороны либерально-буржуазных кругов, с одной стороны, и стихийное захватное движение крестьянства, сопровождавшееся погромами и грабежами, с другой, явились причинами ее краха.

Огромная популярность программы социализации земли в среде российского крестьянства и необходимость скорейшего разрешения земельного вопроса в России заставили партию большевиков, пришедшую к власти после свержения Временного правительства, провозгласить своей очередной задачей реализацию эсеровской аграрной программы. Это не могло не вызвать определенного отклика со стороны Чернова. Анализируя ленинский Декрет о земле в главе "Большевики в роли социализаторов земли" во втором томе "Конструктивного социализма", он отмечал, что этот акт большевиков носил исключительно политический характер и ставил своей целью обеспечить поддержку Советской власти со стороны крестьян и нанести удар по оппозиционным партиям. Недостаточная проработка правовых и экономических механизмов в осуществлении аграрной программы большевиками привела, по мнению Чернова, к тому, что на практике все свелось лишь к стихийному переделу земельной собственности вместо создания экономических условий для роста производительных сил в деревне. "Большевицкая кража у социалистов-революционеров их социализаторской программы сопровождалась тем, что из программы вынули самую ее душу. Осталось мертвое тело - стихийной дележки",⁶¹ писал Чернов в статье «Аграрный "нэп" и полинявшее народничество» в 1923 г.⁶¹ В итоге при проведении земельной реформы деструктивные силы возобладали над конструктивными.

Чернов резко негативно оценил и последующие шаги большевистского правительства в аграрном вопросе. Главным, что кардинально разделяло лидера эсеров с большевиками, было отношение последних к крестьянству как к "пассивному объекту политики", которым можно манипулировать в своих целях.⁶² Такое отношение к крестьянству вытекало из фундаментальных основ "индустриоцентричной" по своему духу марксистской доктрины. Наиболее рельефно двойственность в отношении большевиков к кре-

стьянству проявилась в политике "военного коммунизма", результатом которой стал кризис крестьянского хозяйства и всей экономики страны.

Оценка аграрной политики большевиков, данная в статьях Чернова, была положена в основу программно-тактической платформы эсеровской партии в 1920-х гг. Так, в резолюции по текущему моменту, принятой на сентябрьской конференции партии в 1920 г., отмечалось: "Основывая свою экономическую, классовую и продовольственную политику на конфискации продуктов крестьянского труда в условиях полного политического бесправия широких масс трудового крестьянства, большевистская власть не только ничего не достигла в смысле создания новых прогрессивных социальных отношений, но систематически дезорганизует крестьянское хозяйство - последнюю опору народного хозяйства России"⁶³. Только проведение земельной реформы, нацеленной на подъем производительности труда земледельческого хозяйства и осуществление основ народолюбия, по мнению эсеров, могло бы создать естественный фундамент для дальнейших социально-экономических преобразований.

Выступая против форсированного насаждения большевиками коллективных форм хозяйствования (совхозов и коммун), Чернов видел альтернативу этому курсу в перенесении центра тяжести с административно-принудительных методов работы в деревне на экономические, на создание эффективных налоговой и кредитной систем. Таким образом, критика Черновым аграрной политики большевиков отражала существующие реалии, а предлагавшаяся им альтернатива "военному коммунизму" предвосхищала поворот власти к нэпу.

Переход к нэпу оживил некоторые надежды Чернова, однако вскоре он был вынужден изменить свое отношение к новому экономическому курсу, так как в мерах правительства, направленных на поддержку индивидуального крестьянского хозяйства (запрещение переделов земли в общине, поощрение аренды и наемного труда), он увидел угрозу общине, своеобразное "нестольпинство", "смену вех" в аграрной политике большевиков⁶⁴. Чернов предвидел, что резкие повороты в аграрной политике могут спровоцировать в большевистских верхах рост антикрестьянских тенденций⁶⁵. Его опасения подтвердились в конце 1920-х гг., когда обозначился переход к политике форсированной индустриализации, осуществлявшейся за счет российской деревни.

Подводя итог, можно сказать, что разработанная Черновым теория социализации земли, положенная в основу аграрной политики эсеровской партии, отличалась от аграрной политики либеральных партий тем, что предусматривала уничтожение частной собственности на землю и делала ставку на развитие трудовых, коллективистских воззрений крестьянства, а от аграрной политики большевиков - стремлением к децентрализации и демократизации экономических и политических отношений в деревне. Была ли она утопична? И да, и нет, поскольку несла в себе и разрушительный, и созидательный заряды. Требование ликвидации частной собственности на землю и распределения помещичьей земли между крестьянскими хозяйствами отражали объективные потребности в развитии сельского хозяйства страны и были поддержаны российским крестьянством. Не случайно в период аграрной революции в стране большевики вынуждены были заимствовать эсеровскую программу, и сам "черный передел", видимо, в основном проходил по сценарию эсеров. Эфемерными оказались надежды Чернова (и меньшевиков) на то, что программу, уничтожающую помещичье землевладение, можно будет провести в России в рамках режима буржуазной демократии: слишком острыми оказались социально-политические и экономические противоречия, слишком неразвитыми и неустойчивыми были институты демократии в России.

При обосновании конструктивной части программы социализации земли, где важная роль отводилась органам местного самоуправления и ставка делалась на правосознание крестьянства и демократические тенденции в общине, Чернов недооценил корпоративизм и консерватизм крестьянского сознания, преувеличил демократические потенции народа. До конструктивной части программы социализации земли российское крестьянство в 1917-1918 гг. не доросло. Лидер эсеров также не учел, что при проведении кардинальных реформ, в кризисный период развития российского общества

немаловажным фактором стабилизации выступает государство. На мой взгляд, Чернов недооценил роль государства в процессе социальных преобразований в стране.

Эти просчеты эсеровского теоретика, казалось бы, были учтены и компенсированы в большевистской программе национализации земли. Но не следует идеализировать аграрную программу большевиков только потому, что они в конечном итоге оказались победителями. В период нарастания аграрного движения осенью 1917 и в 1918 г. большевики не могли реализовать программу национализации земли, поскольку ее не поддержало крестьянство. Фактически большевики приступили к ней в период "военного коммунизма", но вынуждены были отказаться от этой политики в годы нэпа. И даже в годы формирования и развития командно-административной экономики наряду с государственной собственностью на землю существовала колхозная. Потребность в децентрализации управления и права распоряжения землей ярко проявилась в 90-е гг. XX в.

Таким образом, несмотря на то, что эсеровская аграрная программа в "чистом виде" под руководством эсеровских теоретиков и практиков так никогда и не реализовалась, следует признать, что наряду с элементами утопии в ней содержались и ценные рациональные зерна, которые необходимо учитывать при проведении современных аграрных реформ. Предлагавшийся эсерами механизм децентрализации права распоряжения землей, ставка на развитие и кооперирование крестьянских хозяйств, учет правосознания народных масс, экономико-правовые методы управления могут явиться альтернативой дальнейшей капитализации и утверждению частной собственности на землю в России и, несомненно, заслуживают внимания.

Примечания

¹ См.: Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 96.

² См.: Чернов В.М. Марксизм и аграрный вопрос. Ч.1. СПб., 1906. С. 86.

³ См.: Вихляев П.А. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. СПб., 1906; его же. Право на землю. СПб., 1906; его же. Очерки из истории русской действительности. СПб., 1910; Качаровский К.Р. Русская община. СПб., 1900; его же. Народное право. СПб., 1906; Ракитников Н.И. Социализация земли и наша программа-минимум // Социалист-революционер. 1911. № 3; его же. Задачи партии в деревне // Знамя труда. 1907. № 3; его же. К пересмотру наших взглядов на крестьянство // Заветы. 1913. № 1 и др. ⁴ См.: ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 1-198.

⁵ Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 10, 13-17, 56-58; Герценштейн М.Я. Аграрный вопрос в программах различных партий // Аграрный вопрос. Т. 2. М., 1907. С. 141.

⁶ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 7.

⁷ См.: Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии психологии. 1906. Т. 85 (Вопросы философии. 1990. № 6. С. 158).

⁸ См.: Кубов А. [Аргунов А.А.]. Краткий очерк истории программы и устава ПСР // Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. Париж, 1911; Нечетный С. [Слетов С.Н.]. Очерки по истории возникновения партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. 1912. № 4; Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.

⁹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 3. М., 1997. С. 247.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 251.

¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 5. С. 213.

¹² Цит. по кн.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. С. 8.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 305.

¹⁴ Там же. Т. 35. С. 263.

¹⁵ См.: Бардин И. Политические партии и русская революция. М., 1922; Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Луначарский А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М., 1922; Мещеряков В.И. Партия социалистов-революционеров. М., 1922; Черномор-дик С.П. Эсеры. Харьков, 1930; Ярославский Е.М. Третья сила. М., 1932; Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975.

¹⁶ Х о р о с В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 128.

- ¹⁷ Там же. С. 63,66.
- ¹⁸ Л е о н о в М.И. Политическое руководство партии эсеров в революции 1905-1907 гг. // Общественно-политическое движение в России XIX—XX вв. Самара, 1993. С. 59—71; его же. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. 1997; его же. Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX-XX вв. // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993. С. 22-31.
- ¹⁹ См.: Ерофеев Н.Д. Чернов//Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; его же. Предисловие // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996; его же. Социалисты-революционеры в 1917 г.: от Февраля к Октябрю //Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. Февраль-октябрь 1917. М.,2000; его же. Социалисты-революционеры во время и после Октябрьской 1917г. революции // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917-1925 гг. М., 2000.
- ²⁰ Партия социалистов-революционеров. Т. 1. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 8-9.
- ²² Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.
- ²³ Ярцев Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим // Свободная мысль. 1994. № 5; е г о же. Социальная философия В. Чернова // Был ли у России выбор? М., 1996.
- ²⁴ Ег о же. Социальная философия В. Чернова. С. 147, 139-140
- ²⁵ См.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998. С. 7.
- ²⁶ Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999. С. 175.
- ²⁷ Ч е р н о в В.М. Марксизм и аграрный вопрос. Ч. 1. С. 232.
- ²⁸ Там же. С. 80.
- ²⁹ Е г о же. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 10. С. 240.
- ³⁰ ГАРФ, ф.5847, оп. 1. д. 28. л. 11.
- ³¹ Там же, д. 31, л. 83.
- ³² См.: Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; Челинцев А.Н. Теоретические основы крестьянского хозяйства. Харьков, 1918; Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство советской России //Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 131—141.
- ³³ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 69, л. 706.
- ³⁴ В е ч е в Я. [Чернов В.М.]. Правовые идеи в русской литературе // "Вехи" как знаменье времени. М., 1910. С. 196.
- ³⁵ Чернов В.М. Земля и право. Пг., 1917. С. 165-166.
- ³⁶ Там же. С. 128.
- ³⁷ Там же. С. 83.
- ³⁸ Там же. С. 146.
- ³⁹ Морозов К.Н. Указ. соч. С. 499-500.
- ⁴⁰ На основе сравнительного лингвистического анализа текстов статей, опубликованных в "Знамени труда" в 1911-1912 гг. под псевдонимом "Б.Ю.", со статьей Чернова "Социализация земли как тактическая проблема" (1911) и его книгами "Земля и право" (1917) и "Конструктивный социализм" (1925) я пришла к выводу, что псевдоним "Б.Ю.", несомненно, принадлежит Виктору Михайловичу. Он является сокращенным вариантом другого псевдонима лидера эсеров - "Юрьев Б.". Им была подписана одна из статей Чернова в сборнике «"Вехи" как знаменье времени».
- ⁴¹ Б.Ю. [Чернов В.М.]. Разрушение общины и наша программа//Знамя труда. 1911. № 35. С. 6.
- ⁴² Там же. С. 5; Ч е р н о в В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 120.
- ⁴³ Гарденин Ю. [Чернов В.М.]. Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве // Сборник статей А. Антонова, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. М., 1908. С. 183.
- ⁴⁴ С.Р. Крайний [Чернов В.М.]. Социализация земли как тактическая победа // Социалист-революционер. 1911. №3. С. 171.
- ⁴⁵ Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 132.
- ⁴⁶ Ег о же. Земля и право. С. 131.
- ⁴⁷ Там же. С. 159.
- ⁴⁸ Первый всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 2. М.; Л., 1930. С. 299.
- ⁴⁹ Земельный вопрос. Доклады министра земледелия В.М. Чернова Всероссийскому совету крестьянских депутатов. Пг., 1917. С. 7.
- ⁵⁰ Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 132.
- ⁵¹ Ег о же. Аграрный "нэп" и полинявшее народничество // Революционная Россия. 1923. № 28-29. С. 15.
- ⁵² Б.Ю. [Чернов В.М.]. Разрушение общины и наша программа. С. 8.

⁵³ Чернов В.М. Земля и право. С. 132.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 5847, оп. 1, д. 69, л. 402.

⁵⁵ Чернов В.М. Земля и право. С. 158.

⁵⁶ Там же. С. 158.

⁵⁷ Его же. Марксизм и аграрный вопрос. Ч. 1. С. 194, 193.

⁵⁸ Его же. Социализация земледелия // Воля России. Прага, 1926. № 1. С. 118.

⁵⁹ Его же. Что такое социализация? // Революционная Россия. 1921. № 12-13. С. 18.

⁶⁰ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. [Б.м.], 1906. С. 316, 117.

⁶¹ Революционная Россия. 1923. № 28-29. С. 7.

⁶² РГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д. 40, л. 39.

⁶³ Там же, д. 1, л. 60.

⁶⁴ Чернов В. Аграрный "нэп" и полинявшее народничество. С. 11-12.

⁶⁵ Его же. Романтика и проза большевизма // Революционная Россия. 1926. № 54. С. 9.

©2002 г. М. ХАГЕН*

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ 1912 ГОДА И РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

В номере от 5 апреля (ст. ст.) 1912 г. популярная петербургская газета "Вечернее время"¹ поместила краткое сообщение о волнующих событиях на реке Лене. Менее чем за сутки отзвуки выстрелов на удаленных за тысячи километров золотых приисках Восточной Сибири достигли столичной читающей публики. Параллельно в деловой газете "Биржевые ведомости" появилось сообщение того же рода, причем информация опиралась на интервью с одним из руководителей Ленского золотопромышленного общества (Лензото) бароном Г. Гинцбургом.

О "ленском расстреле" упоминается в любом обзорном изложении русской истории, в том числе в иностранных учебных пособиях, соответствующие статьи есть и в энциклопедиях. За этим событием открыто или негласно признается высокое значение кардинальной даты русской истории, поскольку историческая перспектива представляется очевидной: ленские события и последовавшая за ними стачечная волна безоговорочно рассматриваются как новое проявление продолжающегося кризиса царской империи, и иногда даже как начало нового революционного подъема, который практически непрерывно продолжался до 1917 г. Тому способствовала не в последнюю очередь щедро цитируемая статья Л. Хаймсона, опубликованная в 1964 г. Что касается конкретных исследований, то они были проведены лишь в отношении хода событий на золотых приисках. Для оценки отклика и воздействия их на общество и государственную власть ограничивались ярлыком "кризис, новый революционный подъем". Известие об ужасном, по общей оценке, событии появилось и стало достоянием общественности будто бы само собой, как это происходит в современных средствах массовой информации, возмущив прежде всего рабочий класс или же только его одного. В предлагаемой статье предпринимается попытка показать, что обе эти посылки ошибочны. Широкое освещение событий стало результатом мощного, совместного и долговременного участия различных общественных сил, протест которых охватывал весь социальный и политический спектр, получая и обратный импульс. Освещение хода этого "дела" и его непосредственного воздействия призвано внести свой вклад в длительную дискуссию о внутреннем положении и векторах развития императорской России до 1914 г.

* Хаген Манфред, профессор, Семинар средневековой и новой истории, университет г. Геттинген, Германия.

Автор выражает признательность за перевод статьи с немецкого языка д-ру Ю.А. Петрову.